

митрополит Трифон (Туркестанов)

Святитель Иоанн Златоуст, страдалец и друг страждущих

Мы собрались сегодня¹, дорогие братья и сестры, вспомнить многострадального святителя Божьего, св. Иоанна Златоустого. Ведь, если нам следовало бы знать жизнь каждого святого, то тем более необходимо нам быть знакомыми с жизнеописанием святого Златоуста, имя которого каждодневно молитвенно вспоминается на божественной литургии, по преданию, им составленной. Жизнь его весьма назидательна для нас, слабых и колеблющихся, как пример пламенной веры, твердого стояния за правду Божию, самоотверженной любви к людям, глубокой преданности воле Божьей, выразившейся в терпеливом перенесении неслыханных страданий. Глубоко назидательны и его творения: толкование св. Писания и множество проповедей.

Среди последних особенно много поучений о милосердии к бедным. Его поистине можно назвать другом бедных. Он их любил всем сердцем за их преданность Святой Церкви, за их добрую христианскую жизнь, за их страдания и скорбь; и те в свою очередь платили ему нежною любовью, не оставляя его даже в тяжкое время гонений. Но было бы совершенно несправедливо считать Иоанна Златоустого каким-то демагогом, народным трибуном. Не о земном благополучии людей заботился он, а о совершенстве духа человеческого, о достижении людьми светлых, небесных радостей. Если ему пришлось терпеть от богатых и знатных людей, то это потому, что, по своей пламенной ревности о правде Божьей, он с силой пророков Илии и Иоанна Крестителя громил людские пороки; и злоба людская восстала против него в лице сильных и преследовала его своей ненавистью до самой могилы, а он, испуская дух свой среди этих страданий, восклицал: «Слава Богу за все». Великолепен был город Антиохия в IV-м столетии после Рождества Христова.

Это была эпоха ее величайшего расцвета, и ею по справедливости славился весь Восток. Отличаясь живописностью своей и чрезвычайно приятным, мягким климатом, она в то же время славилась и благоустройством, которое сделало бы честь любому современному городу. Длинные, широкие улицы, обсаженные лавровыми и миртовыми деревьями, великолепные здания, чудно устроенное освещение, благодаря которому и вечером было так же светло, как днем, – все это делало Антиохию одним из самых красивых городов Востока.

Жизнь кипела в ней ключом: торговые, политические, художественные и религиозные интересы волновали жителей и иностранцев, которые

приезжали сюда как для устройства своих дел, так и для отдыха. Шумит и волнуется многочисленная толпа на улицах и площадях, наполняет многочисленные театры, цирки, лихорадочно живет интересами дня; толпа горячая, южная, страстная, в живописных, ярких костюмах. Как далека она кажется от святой и тихой простоты христианской жизни, а между тем тут, в самых недрах этого распущенного, роскошного города, незаметно пока для людей, созревает великий христианин, славный учитель, друг бедных и скорбных. На одной из отдаленных от центра и пустынных улиц стоит небольшой скромный домик. Войдем в него! Скромная обстановка... тишина... на скамейке сидят двое: юная красавица – мать и маленький мальчик с тонкими подвижными чертами лица и с большими черными глазами.

У него развернута большая книга: св. Евангелие – он учится читать. Это праведная Анфуса и ее сын Иоанн, – впоследствии – великий Златоуст.

Оставшись после смерти своего мужа, занимавшего видную военную должность, вдовой, Анфуса, несмотря на свою молодость и красоту, всецело отдалась воспитанию своих малолетних детей: мальчика Иоанна и девочки. Последняя скоро умерла, и Анфуса всю нежность своего сердца, всю свою любовь излила на маленького Златоуста. Она воспитывала его в строго христианском духе, и первая книга, которую они изучали, было Евангелие. Едва умея лепетать, в самом раннем возрасте, Иоанн познакомился с земной жизнью, страданиями и учением Христа Спасителя.

Эта книга была, так сказать, фундаментом, на котором выросло здание его великих добродетелей. Ему открылись с детства уже тайны христианства: стремление к идеальному христианскому совершенству, ибо Спаситель сказал: *«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»* (Мф. 5:48); – к величайшей, пламенной и самоотверженной любви к ближнему, ибо Спаситель сказал: *«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин. 13:35); – к величайшему терпению в перенесении всех земных страданий и бедствий, ибо Спаситель сказал: *«Претерпевший же до конца спасется»* (Мф. 10:22). И любимой молитвой Иоанна с раннего детства была: «Слава Богу за все! И за радости, и за горе!».

По обычаю того времени, Иоанн был отдан в школу знаменитого в то время в Антиохии Ливания. Там он изучал всевозможные науки, по преимуществу философию, юридические науки, словесность и ораторское искусство, в котором особенно был силен Ливаний. В этом последнем искусстве Иоанн оказал наибольшие успехи: Ливаний подготавливал его к деятельности адвоката, пророчествовал ему блестящее будущее и не раз, впоследствии, со вздохом говорил: «Каким бы великим человеком был Иоанн, если бы его у меня не украли христиане». Окончив курс, Иоанн первое время, действительно, занялся адвокатурой. Эти занятия послужили на пользу ему в

том отношении, что, благодаря им, он познакомился с преступным миром и на опыте мог увидеть, как зло лукаво, как хитро оно побеждает человека; как несчастен человек, поддавшийся этим внушениям зла, и как все-таки, несмотря на свою мрачность и темноту, в каждой преступной душе теплится искра Божья; и как слабый, бедный, несчастный человек, крепкими цепями своих страстей прикованный к земле, плачет и тоскует о потерянном рае. В этот период своей мирской жизни Иоанн Златоуст, по своей страстной, горячей натуре, стал было увлекаться и светскими развлечениями: театром, цирком; но голос Божий звал его к другой жизни, и он все оставил и пошел за ним. Он принял крещение (в то время крещение принимали взрослые) и окончательно порвал всякие связи с мирской жизнью.

В то же время Иоанн стал молчаливым, задумчивым, стал бледнеть, худеть: очевидно, в нем созревало какое-то важное решение, которое тяжело было высказать своей матери. Наконец он решился; и с трепетом сердечным, со слезами, он открыл ей свое намерение сделаться монахом. Горе его матери было неопишимо: «Она взяла меня за руку, – говорил впоследствии Иоанн Златоуст, – и, обливаясь слезами, стала говорить слова, еще печальнее слез». – «Милый мой сын, единственное утешение моей горькой жизни, умоляю тебя: пожалей меня: ведь я тебе не сделала никакого зла! Потерпи, по крайней мере, до моей смерти; не заставляй меня переживать еще раз тот ужас одиночества, который я испытывала после смерти твоего отца! – Я уже выплакала тогда все слезы; я уже тогда истерзала свою грудь страданиями! – Неужели мне еще плакать, еще страдать? Друг мой, мой единственный друг, – пожалей меня – твою несчастную мать!» Иоанн Златоуст послушался своей матери и остался до ее кончины около нее.

Тем не менее, все-таки он постепенно готовил себя к служению Церкви, пристально изучая и наблюдая современную религиозную жизнь народа, его духовные недуги, которые впоследствии следовало лечить. В то время антиохийские христиане страдали от двух главных болезней души – с одной стороны – от языческой распушенности жизни, с другой – от арианских еретических заблуждений. Да и не могло быть иначе! В своей юности Иоанн был свидетелем отчаянной борьбы с христианством, которую вел Юлиан-отступник, все силы употребивший для того, чтобы сломить ненавистное ему христианство, и погибший в этой борьбе. Иоанн припоминал, как в годы своей юности, еще когда он учился у Ливания, тот, с презрительным высокомерием истинно просвещенного человека, обратился в присутствии Иоанна с насмешливым вопросом к одному христианину: «Ну, скажи мне, что поделявает теперь сын плотника?». На что тот отвечал: «Тот, Кого ты называешь сыном плотника, в действительности есть Сын Божий, Творец неба и земли! – Ты спрашиваешь, что Он делает? – Он строит теперь погребальные дороги!».

И, действительно, вскоре распространилась весть, что Юлиан умер. Во время персидского похода он был смертельно ранен и, как рассказывает предание, упав на землю, в безумной ярости он бросал к солнцу комья грязи с запекшейся своей кровью и, уже с предсмертным вздохом, восклицал: «Ты победил меня, Галилеянин!».

Он умер, но ядовитые семена, брошенные в христианскую среду, выросли и дали плод в виде распущенной языческой жизни; а с другой стороны – тяжело волновала весь Восток арианская ересь: не только миряне, но и духовные лица, и даже епископы были ею заражены. На площадях, на улицах происходили оживленные богословские споры, кончавшиеся жестокими побоищами. Таким образом, много было среди антиохийцев христиан только по имени и язычников по жизни; а затем не меньше было и неправославных христиан. Иоанн понимал, какой тяжкий подвиг был – быть пастырем среди такой паствы; каких высоких духовных совершенств требует это служение. Вот почему в своих письмах о священстве он говорит, что священник должен иметь душу чище лучей солнечных, чтобы его никогда не оставлял Дух Святой.

И, сознавая это, он со свойственной ему стремительностью, после смерти матери удалился в пустыню, находившуюся за Антиохией, где в то время жили величайшие подвижники, для того чтобы усовершенствоваться духовно и тем подготовить себя к принятию священства. Необычайно была сурова их жизнь: нам, слабым, изнеженным, невероятными представляются те подвиги, какие они там несли. Весь день и почти всю ночь проводили они в молитве, чтении Св. Писания и рукоделии; пища их – один хлеб, и то в ограниченном количестве, и вода; изголовье – камень; но Златоусту показалось мало этих подвигов: он удаляется в самую глубь пустыни, затворяется там в мрачной сырой пещере, не имея здесь ни постели, ни стула, ни стола, опираясь на стену пещеры, и здесь предается пламенной молитве. И вот, из этого периода его жизни, мне особенно ясно рисуется одна картина.

Глубокая ночь! Звездное небо... все спит в природе... не слышится ни одного звука, один лишь человек бодрствует в это время в пустыне – это молодой подвижник Иоанн! Стоя на коленях и простирая руки к небу, он молится пламенной молитвой. Он молится о том, чтобы Господь сподобил его быть истинным пастырем Христовым, чтобы всегда ему идти путем евангельской правды, чтобы хранить в целостности Церковь Христову, ради нее, если надо, пожертвовать всем, даже жизнью; душу свою отдать за паству свою. Любить любовью Христовой всех вверенных ему детей духовных.

Особенно же, всех страждущих, скорбящих, бедных и угнетенных – вести их всех к совершенству – царству небесному. Но наконец силы его не выдержали, и он должен был прекратить подвиг пустынножительства и возвратиться в Антиохию, после шести лет подвижничества. Жизнь эта надломилась его здоровье, но за то укрепила его дух; оттуда он вынес глубокое

знание и понимание Св. Писания, пламенную веру и ту ясную пронизательность души, доходящую до прозорливости, которая присуща всем святым, долгие годы проводившим в подвигах самоуглубления и молитвы.

По возвращении из пустыни он был посвящен в сан диакона, а затем рукоположен епископом Флавианом в сан пресвитера. Уже в сане диакона Иоанн своей любовью завоевал сердца антиохийцев, и его посвящение в сан священника было встречено большой радостью всего населения, тем более, что по городу распространился слух о необыкновенных ораторских способностях молодого священника. Уже первая его проповедь, где он рисует идеал священства, очень понравилась народу; а затем, дальнейшие его проповеди все больше и больше привлекали сердца антиохийцев, и храмы, где он проповедовал, были всегда полны народом. Люди самых разнообразных классов и образований приходили послушать Златоуста.

Увлекательное красноречие его проповедей, глубокое толкование Св. Писания, глубокое знание человеческого сердца, легкость речи, живость и страстность изложения, образность, множество разнообразных сравнений, убежденность, пламенная вера, а главное, самая пламенная любовь к людям – делали необыкновенно привлекательными его проповеди; иногда страстные южане, восхищенные его словами, не могли удержаться от рукоплесканий, что было крайне неприятно Златоусту. В то время он и получил свое название.

Рассказывают, что одна бедная женщина воскликнула после одной из его проповедей: «Святой Иоанн, святитель Божий, Золотые Уста! мы не все можем понять в твоих речах, ибо смысл их для нас слишком глубок». С этих пор Иоанн начал говорить настолько просто, чтобы быть понятным и людям необразованным. В своих проповедях он касался разнообразных предметов, но в особенности он много говорил о милосердии к бедным.

Так, например, в одной из своих проповедей он говорит таким образом: «Бедные суть также дети одного Отца небесного, в лице которых нам представляется Сам Иисус Христос. Он благоволил, чтобы доставить нам случай засвидетельствовать к Нему любовь и признательность, являться к нам в лице бедных, странников, узников и болящих. Он говорит нам устами сих несчастных: если вы не хотели быть признательными ко Мне за все, что Я сделал и потерпел для вас, имейте сострадание к Моей бедности, если Моя бедность не трогает вас, сжальтесь над Моими страданиями, которые изнуряют Меня, над Моими цепями, которые тяготят Мои руки и ноги. Если Мои страдания, бедность, цепи не трогают вас, подумайте хотя о том, как мало то, чего Я у вас прошу. Я не требую от вас многоценных приношений; Я прошу только один кусок хлеба, кров от темной ночи, слово ласковое и совет добрый. Подайте Мне милостыню, чтобы приобрести право на те небесные награды, которые Я обещал милостивым».

Да и как ему было не любить бедных! Он видел, насколько они своим благочестием, своею преданностью церкви превосходят богатых. В то время,

когда последние, оставаясь в глубине души язычниками, все свое время посвящают забавам и развлечениям, а в церковь являются только по необходимости, и то на самое короткое время, бедные наполняют храмы, внимательно слушают проповеди, усердно молятся. Как же было не любить Златоусту этих преданнейших ему детей духовных, любовь которых ничто не могло поколебать: ни гонения, ни изгнания, ни насмешки, ни издевательства, ни унижения любимого архипастыря, – которые с радостью шли за ним на верную смерть. Да, поистине, и он на любовь отвечал пламенной любовью. Неложно было его слово, когда он им говорил: «Я люблю вас так же, как и вы меня. Вы заменяете мне отца, мать, братьев, детей. Вы для меня – все на свете! И когда один из вас погибает, погибаю и я!».

Но не одних только бедных, он любил и всю свою паству, что доказал во время одного тяжелого несчастья, обрушившегося на Антиохию – это был бунт антиохийцев против императора Феодосия, случившийся по следующему поводу.

Император, желая отпраздновать десятилетие своего царствования, наложил тяжелые подати на антиохийцев. Антиохийцы, хотя в большинстве своем довольно богатые, тем не менее сочли этот налог несправедливым и, возбуждаемые некоторыми народными ораторами, произвели страшное возмущение. Южная толпа – страстная и горячая – долгое время шумела и бесчинствовала в городе, затем бросилась в предместье его – Дафну, осадила царский дворец, ворвалась в комнату, где находились статуи Феодосия и его семейства, камнями повалила их на землю, с яростными криками повлекла их по городу и наконец бросила в реку. После этого пароксизма бешенства народ опомнился. Страшное уныние овладело им; после крика ярости, наступила зловещая тишина: улицы опустели... все спрятались в свои дома... каждый говорил: «Что мы сделали! Теперь нас ждет неминуемая казнь!»

Тогда-то во всей своей духовной силе и являются духовные вожди: епископ Флавиан и священник Иоанн. Первый, несмотря на свою дряхлость, отправляется в Константинополь просить царя о помиловании, а второй – день и ночь молится в храме, утешает народ, ободряет его надеждой на милость Божью.

– «Предайте мне ваши души! – говорит он – отбросьте ваши печали, возложим все на Бога. Это послужит нам к прекращению бедствия, потому что когда Господь увидит, что мы со вниманием слушаем Его слово и в самое бедственное время не оставляем молитвы, то скоро подаст нам помощь и благую перемену, превратив бурю в тишину. Не упадем же духом, возлюбленные! Не столько мы заботимся о своем спасении, сколько сотворивший нас Бог. Не столько мы печемся о себе, сколько Тот, Кто даровал нам душу и дает такое множество благ. Окрылим себя надеждою и будем благодушно ожидать, что благоугодно будет Господу сотворить с нами». – И, действительно, совершилось по его слову.

Горячий сердцем, но великодушный, – император Феодосий простил антиохийцев. После этого любовь народа к Иоанну еще более выросла. Они не хотели отпускать его ни на один день из города; даже когда он хотел удалиться за город, чтобы немного отдохнуть, народ говорил ему: «Вернись, ибо без тебя мы погибаем». Тем не менее, им вскоре пришлось уже навсегда расстаться с ним. Иоанн Златоуст был вскоре после этого назначен архиепископом Константинопольским и увезен тайно в Константинополь неким евнухом Евтропием, самым тогда важным сановником в государстве и ближайшим другом императора Аркадия, который занял престол после отца своего Феодосия.

Златоуст был милостиво принят императором, сказавшим ему, чтобы он готовился к посвящению.

Замечательный контраст представлял Златоуст – небольшого роста, худой, загорелый, в скромной, можно сказать, бедной одежде – с великолепием и роскошью Византийского двора. Зала, в которой он был принят, была вся разукрашена золотом, розово-золотистым мрамором и драгоценными камнями, даже самый пол был посыпан золотым песком. Придворные воины и сановники были украшены жемчугом и смарагдами; золотой трон поддерживался золотыми львами; на нем в пурпурной одежде, украшенной жемчугами и рубинами, восседал Аркадий; на голове его сверкала диадема, так красиво шедшая к его черным волосам.

После императора, Златоуст был еще более милостиво принят императрицей Евдоксией, которая поцеловала у него руку и обещала ему всякую помощь в его подвигах милосердия. 26-го февраля 398 года совершено посвящение Златоуста в сан архиепископа александрийским патриархом Феофилом, (своим тайным недоброжелателем) в великолепном храме Софии, в присутствии императора, императрицы и множества народа. В своей речи после посвящения Златоуст, намечая программу своей будущей деятельности, главным образом обещал стремиться всеми пастырскими средствами к тому, чтобы распространять православную веру среди язычников и еретиков, а затем, чтобы среди православных улучшить нравы, поднять их нравственность на высокую степень совершенства.

Особенно знаменательны его слова: «Я, при помощи Божьей, буду смело обличать пороки; я не буду входить ни в какие соглашения, не буду заключать никакого договора с адом. Для нечестия и порока я буду непреклонным врагом. Но по отношению к самим грешникам я всегда готов действовать в духе сострадания и, насколько это будет зависеть от меня и возможно мне, не вредя правде и благу Церкви, буду жить в мире со всеми». Закончил он свою речь просьбой о молитвенной помощи у своей паствы.

Иоанн Златоуст был прямой противоположностью своему предшественнику – архиепископу Нектарию. Последний, будучи, до принятия святительского сана, знатным светским сановником, остался, в существе дела,

таким же и в сане архиепископа. Он любил пышную, блестящую жизнь, светское общество, любил давать роскошные обеды своим многочисленным знакомым, вовсе не заботился о духовном воспитании своей паствы и относился самым внешним образом к своим обязанностям. Совершая в торжественные дни богослужения, говоря холодные, заученные проповеди и принимая просителей, разбирая бумажные дела, он не прилежал сердцем к своим обязанностям. Он не был ни для кого опасен, и поэтому все относились к нему доброжелательно.

Не таков был Иоанн Златоуст – он весь был огонь в ревности о славе Божьей Церкви. Величайший подвижник, в своей личной жизни он изгнал всякую роскошь с архиепископского двора; все золотые и серебряные вещи были проданы, и деньги розданы бедным. Многочисленная свита была распущена: он ограничился двумя или тремя преданными ему людьми. Прекратились роскошные обеды, ибо Иоанн довольствовался самой скромной пищей из овощей с прибавлением иногда немного рыбы и белого мяса. Прекратился прием праздных посетителей, ибо к Иоанну имели доступ только те, которые нуждались в нем, как пастыре Церкви. Единственной роскошью была его многотомная библиотека.

Но в особенности резка была его противоположность с Нектарием в отношении к клиру и пастве. В то время, как последний сквозь пальцы смотрел на злоупотребления, роскошь и разврат клира, на маловерие, ереси и всякого рода пороки мирян, Иоанн Златоуст явился пламенным обличителем и карателем всего порочного. Решительный, прямолинейный он, действительно, не умел входить в сделки со злом, как он сказал в своей вступительной речи. Он обличал, запрещал и изгонял из пределов своей епархии ленивых и развратных иноков и клириков, которые, вместо того, чтобы подавать добрый пример словом или делом мирянам, сами оказывались хуже их, проводя жизнь среди светских людей, в веселых пирах и полной лени, нисколько не заботясь о своих обязанностях.

Он обличал и свою паству в холодности к храму Божьему, в любви к безнравственным языческим зрелищам, жестокости к бедным и несчастным, в гордости, в неправославии и других пороках. Этим он страшно вооружил против себя худшую часть клира и многих знатных и богатых мирян. Сначала шепотом, а затем все громче и громче стали раздаваться голоса против Иоанна Златоуста. Он-де несправедлив, жесток, своей нетерпимостью оттолкнет народ от церкви! К чему эти обличения богатых и знатных? Он возмущает этим народ!

Постепенно к этому стала примешиваться и клевета! «Вот, других-то он обличает, а сам-то предается, как слышно, неслыханным порокам!.. Зачем он запирается от людей?.. потому что он лицемер!.. Он тайно предается обжорству и пьянству!»... Эти змеиные речи, передаваясь от одного к другому, дошли до императорского дворца, в частности до императрицы

Евдоксии; тем не менее, отношения между Иоанном Златоустом и Евдоксией были по-прежнему удовлетворительными. Она принимала участие в открытии св. мощей св. мученика Фоки и других. Иоанн в своей речи даже похвалил благочестие императрицы, назвав ее матерью церквей. С императором Аркадием отношения его были тоже вполне удовлетворительными, и он даже оказал великую государственную заслугу: в то время против Византии возмутился римский военачальник Гайна и подошел к самому Константинополю, угрожая ему завоеванием. Император Аркадий пал духом: ибо никто, кроме Иоанна, не хотел идти к врагу для переговоров. Иоанн смело пошел к Гайне и победил его сердце. Тот не только согласился отступить от города, не причинив ему никакого вреда, но даже вместе со своими коленопреклоненными сыновьями испросил благословение у святителя, несмотря на то, что был арианин и, следовательно, злейший враг христиан.

Кроме благоустройства богослужения, монастырей, клира, Иоанн Златоуст особенно много занимался миссионерским делом среди финикийцев, скифов и гóтов. Посещал он и провинциальные церкви для упорядочивания там церковных дел. Ночное время, остававшееся свободным от многочисленных административных и богослужебных обязанностей, он употреблял на письменные труды. Но в особенности много времени он по-прежнему отдавал своим друзьям – бедным: для их назидания и утешения он часто проповедовал, беседам с ними он отдавал все свое свободное время и все свои средства; он построил несколько домов призрения бедных, больниц и других богоугодных заведений.

При нем особенно развился институт диаконисс, назначение которых было не только помогать крещаемым женщинам, но и оказывать самую широкую благотворительность. Святая Церковь с благодарностью вспоминает и будет вечно вспоминать святые имена: Сальвины, Ампрукты, Пентадии и Олимпиады, женщин очень богатых и знатных, но ради Бога и ближних оставивших все земное, «обнищавших здесь на земле, чтобы обогатиться в Царстве Небесном», по слову самого Златоуста. И бедный простой народ глубоко чтит Иоанна Златоуста: храм, где он служил, всегда был полон народом, который с жадностью ловил каждое его слово; он жизнь свою готов был бы отдать за своего любимого учителя. Поистине, подобно апостолу Павлу галатам, Иоанн Златоуст мог бы сказать константинопольцам: «Вы готовы были бы вынуть свои очи и отдать их мне» (Гал. 4, 15), так вы меня любили! Тем не менее, все-таки злоба делала свое дело, и должно было наступить время столкновения Иоанна Златоуста с императорским двором. Для этого нужен был только повод, и он открылся в деле евнуха Евтропия.

Властолюбивый временщик, некогда привезший в Константинополь Иоанна Златоустого и сначала с ним друживший, затем, сделавшись одним из его яростных врагов и гонителей, постепенно стал так забываться, что позволил себе дерзко обращаться даже с самой императрицей.

Та долго переносила все эти оскорбления, но, наконец, сильно оскорбленная им, бросилась к императору, захватив с собою обеих дочерей. Упав перед императором на колени, она воскликнула: «Твоя ли я жена, или нет? Императрица я, или раба? Твои ли это дети, и неужели их мать для тебя ничего не значит?» – «В чем дело?» – спросил император. «Меня оскорбил Евтропий, сказала Евдоксия: он угрожает низвергнуть меня, когда только захочет этого. Скажи, кто же император: ты или он?».

Император Аркадий, который давно тяготился зависимостью от Евтропия, приказал немедленно его арестовать. Евтропий в страшном отчаянии, не зная, куда ему деваться, бросился в храм св. Софии, ища там убежища, а между тем еще так недавно настоял на том, чтобы император отменил право убежищ преследуемых, которыми пользовались христианские храмы, против чего, в свое время, горячо восстал Иоанн Златоуст. Здесь, в этом храме, ползая в ногах святителя, этот гордый человек просил Иоаннова милосердия и заступничества перед императором. Иоанн обещал ему и исполнил свое обещание. Воинам, которые ворвались в храм, ища Евтропия, он решительно заявил, что они только через его труп и священнослужителей пройдут к Евтропию, а затем в первый праздничный день совершил в храме св. Софии литургию, на которой присутствовал император, императрица, весь двор и множество народа. Когда все собрались, Иоанн взошел на кафедру для проповеди, отдернул завесу, отделявшую престол от народа; перед взором всех предстал несчастный Евтропий.

Этот, еще так недавно гордый временщик, перед которым трепетали целые сотни тысяч народа, повинувшись каждому его слову, в грязной, изорванной одежде, с лицом бледным, искаженным ужасом, стоял на коленях, судорожно обхватив одну из колонн престола, трепетно слушая вдохновенное слово Иоанна: «Суета сует и все суета. Всегда истинно это изречение, еще более теперь. Где теперь блеск, где убранства, где раболепные крики народа? Все прошло, буря ринулась на дерево, вырвала его с корнем и повергла на землю. Где ложные друзья? Столы, уставленные яствами, чаши, наполненные винами? Все исчезло, как сон.

Запишите же на ваших стенах, на ваших одеждах, на окнах домов ваших, в совести вашей запишите и повторяйте это: суета сует и все суета». И, обратившись к Евтропию, Иоанн продолжал: «Разве я не говорил тебе, что богатство улетает, а ты не хотел слушать меня. Разве не говорил, что слава – дым, как и уверения фальшивых друзей? Я сделался твоим врагом, потому что говорил тебе правду; но я был более твоим верным другом, чем те, кто тебе льстили. Они ушли к твоим врагам, а я один поддерживаю тебя. Ты оскорбил Церковь, а Церковь открыла тебе свои объятия». И, снова обратившись к народу, он продолжал: «Не думайте, что я хочу оскорбить павшего человека. Я нахожусь здесь не для того, чтобы усиливать страдания раненого, но чтобы сохранить здоровье тем, которые еще не ранены.

Посмотрите на святой престол: он украшен золотом и драгоценными камнями, но богатейшее его украшение не золото и не камни, а этот несчастный беглец, который припал к подножию престола. Приступите же, и совершим теперь святое таинство; затем вместе обратимся к императору и попросим его милосердия и прощения Евтропию. Повергнем к его стопам золотые колосья жатвы нашего сострадания».

Евтропий был прощен, но отношения к Евдоксии окончательно испортились. Мрачные тучи надвинулись на Иоанна Златоустого. Должна была разразиться над ним гроза, и она разразилась. В числе лютых врагов Иоанна Златоустого был александрийский патриарх Феофил, который давно мечтал низложить его и занять его место. Нужен был только повод, и он нашелся.

Это было принятие Златоустом четырех монахов из александрийского патриархата. Монахи эти, известные за свой длинный рост, под названием «Долгие братья» – были выгнаны без всякого основания, обвинены Феофилом в ереси и бежали в Константинополь, ища покровительства патриархата. Они были приняты с состраданием и любовью Златоустом в общение, и это дало повод Феофилу самого Златоуста обвинить в ереси. И вот он собирает собор из 23 епископов в Дубе – предместье Халкидона. На этом соборе обвиняют Златоуста в 29 пунктах совершенно ложно и заочно низлагают. Этот протокол собора был утвержден императором Аркадием. Когда об этом узнал народ, то он пришел в крайнее негодование. Громадные толпы окружили архиепископский дом; настроение делалось все более и более раздраженным. Кто-то пустил среди народа зловещее известие о том, что Златоусту угрожает уже не ссылка, а смерть... что-де только не знают, что выбрать для казни: топор или меч!

Крики: «Требуем вселенского собора», вопли женщин, плач детей – все сливалось в страшный гул. И среди этого смятения оставался спокойным только один Златоуст. А почему? – это он выразил в своей прощальной речи. Он собрал вокруг себя свою паству и так говорил: «Братья, ужасная буря застигла нас, и волны поражают нас с небывалой силой; но мы не боимся потопления, потому что опираемся на скалу. Сколько бы ни свирепствовало море, скала эта не потрясется. Сколько бы ни вздувались и ни хлестали волны, корабль Христов не погибнет. Чего же страшиться мне? спрашиваю вас, смерти? Но я скажу с апостолом: «Жизнь моя Христос, и смерть мое стяжание». Изгнания? Но земля принадлежит Господу и со всем, что она содержит. Лишения имущества? Я ничего не принес в этот мир и ничего не унесу из него с собой.

Все, что может заставить человека трепетать, я презираю. Смеюсь над богатством, смеюсь над почестями, которых другие так жаждут. Богатство для меня не более, как нищета, и если я желаю жить, то только для того, чтобы быть с вами, трудиться над вашим душевным совершенствованием. О, они

совсем не знают нас! Христос со мною! Чего я утрашусь? Его Евангелие в руках моих – посох, на который я опираюсь. Вот, где мое прибежище, вот мирная пристань души моей. Иродиада также здесь: Иродиада все еще пляшет, требуя головы Иоанна, и ей отдадут голову Иоанна, потому что она пляшет». На другой день после этого явился к Иоанну императорский чиновник и потребовал, чтобы Иоанн немедленно оставил город. «Корабль готов, чтобы отвезти тебя в ссылку, и если ты не уйдешь добровольно, то ты будешь увезен силой».

И вот, исполняя это приказание, Иоанн ночью, тайно, весь закутанный плащом, чтобы народ его не видел, вышел из своего дома и сел на корабль, который и отвез его на место его ссылки в Пренет. Когда на другой день народ узнал, что Иоанн тайно увезен из Константинополя, поднялось уже настоящее возмущение: как разъяренное море, волновался народ, и везде кричали о несправедном суде над ним. Патриарх Феофил тайно бежал из города: иначе он был бы побит камнями. Увидав его дом пустым, народ громадными толпами повалил к императорскому дворцу и с криками, воплями и рыданиями взывал: «Возврати нам святителя Иоанна!» Дрогнуло сердце Евдоксии, и она начала раскаиваться в совершенном!

В это время вдруг произошло страшное землетрясение: почва стала колебаться все сильнее и сильнее, подземные толчки все увеличивались, дома стали рушиться, стены падать. Смятение распространилось по всему городу, рыдание и стоны пострадавших все усиливались, наконец, дрогнули стены самого дворца. Еще минута, еще секунда... и дворец был бы разрушен. Тогда испуганная Евдоксия, накинув кое-как на себя одежду, бросилась к императору, восклицая: «Это гнев Божий... это за наш грех... о, возврати скорей Иоанна!». Император, в глубине души своей не переставший почитать Иоанна, как человека Божьего, немедленно отправил посла к Иоанну с письмом, в котором императрица умоляла его немедленно вернуться в Константинополь. И святитель Божий, забыв о нанесенных ему оскорблениях и помня только любовь к нему народа, возвратился снова к своей пастве; в это время землетрясение уже прекратилось.

Наступила ночь. Несметные толпы народа собрались на берег пролива, чтобы встретить своего возлюбленного святителя. С факелами в руках сопровождали они вернувшегося Иоанна; шествие приняло вид огненной реки. Впереди всех шла сама императрица; народ пел хвалебные гимны, многие плакали слезами светлой радости.

Придя в храм, Иоанн встал на кафедру, а народ весь опустился перед ним на колени. Со слезами благословил его святитель, так говоря: «Благословен Бог, удаливший меня! Благословен Он, возвративший меня! Благословен Бог, попустивший на меня бурю! Благословен Он, удаливший ее!» Через несколько времени собор из 60-ти епископов, собравшихся в Константинополе, отменил решение Дубского собора. Велика была радость

народа, велико было торжество правды Божьей в лице Иоанна! Но, увы! оно было непродолжительно. Прошло немного времени, и Иоанн был окончательно свергнут с престола и уже до конца дней своих не видел больше своей паствы: он умер бедным изгнанником.

Поводом к окончательному изгнанию Иоанна Златоустого послужила его обличительная речь против Евдоксии за то, что та воздвигла себе статую прямо за храмом и устроила по этому поводу торжественные празднества, заглушавшие даже богослужение. Иоанн Златоуст со свойственным ему пылом обрушился на честолюбие императрицы. Был созван новый собор, и так как он не пришел ни к какому решению, то император собственной властью велел лишить Иоанна Златоустого архиепископского престола и изгнать его из города, а на его место избрать другого.

Была великая суббота; по обычаю того времени, в этот день многие готовились к святому крещению. Храм был полон народа. Женщины и дети в белых одеждах готовились к таинству крещения и святого миропомазания. Диакониссы подготавливали все необходимое для совершения этих таинств. Благоговейно молился священник, благоговейно раздавались в воздухе церковные песнопения. Вдруг ворвался отряд солдат, ища Златоуста. Крик... шум... вопли... стоны раненых – сменили благоговейную тишину; ища Златоуста, они опрокинули священное вино Евхаристии... вода в крещальнях смешалась с кровью избиваемых... Наконец, Златоуст был схвачен и, несмотря на сопротивление толпы, был увлечен из храма.

Мрачно и уныло была встречена тогда Пасха константинопольскими христианами.

Через несколько времени Иоанн был отправлен в ссылку под строгим конвоем солдат. В самый момент его удаления сделалась страшная гроза... молния попала в купол Софийского храма... произошел страшный пожар. Ветер раздувал его: он превратился в огненное пылающее море, которое захватило весь город и едва не достигло императорского дворца.

Конечно, враги Златоуста сейчас же обвинили друзей его в поджоге – это еще более ухудшило его участь. Воинам приказано было обращаться с пленным, как можно хуже, и они, действительно, с беспощадной жестокостью мучили его. Больной изнурительной лихорадкой, издавна страдавший тяжелыми желудочными болями, хилый и слабый от природы и еще более изнуренный от подвижнической жизни и тяжелых трудов, он страдал невообразимо.

Палил южный зной; Иоанна Златоуста влекли под палящими лучами солнца, отчего невыразимо он страдал, ибо его голова была лишена волос. Дул пронзительный, леденящий ветер, шел дождь, а воины снова влекли его, трясущегося от изнурительной лихорадки. Наконец, то обожженный солнцем, то оледенелый от стужи, он падал на землю в изнеможении, и лишь уста его беззвучно шептали молитву: «Слава Богу за все!», а у своих мучителей он

просил только хотя немного сострадания, немного отдыха, но получал отказ. И они снова влекли его вперед.

Сначала ему было назначено пребывание в небольшом городке Кукузе, но когда там поселился, он сделался центром церковной жизни своего времени: к нему стало стекаться множество богомольцев, отсюда стал он рассылать свои грамоты, утешая, назидая и ободряя свою паству. Это встревожило его врагов: «Этот мертвец становится опасным! Вся Антиохия теперь в Кукузе!»... И было дано распоряжение перевести его еще дальше, в полуразрушенный Пифиунт. Но во время путешествия силы окончательно оставили Златоуста, и ему было разрешено остановиться в доме священника при церкви св. мученика Василиска. Ночью, во сне, ему явился св. мученик и сказал: «Не унывай, брат Иоанн! мужайся, завтра мы будем с тобой пред лицом любвеобильного Бога!». На другой день Иоанн просил облечь его в чистые одежды, приобщить Св. Таин. Долго и усердно он молился. Конечно, подобно своему Учителю и Господу, он молился и за своих мучителей: «Отче, отпусти им, ибо не ведают, что делают!».

Наконец, со словами: «Слава Богу за все», он предал свою душу Богу. Прошло 30 лет; императором в то время был Феодосий II. Народ, не забывший своего благодетеля и учителя, потребовал останки Иоанна Златоуста: «Мы требуем, чтобы нам возвратили тело отца нашего!». Враги Златоуста все в это время уже кончили дни свои, многие из них, как бы в наказание Божье, – в страшных мучениях.

Сам император чувствовал вину своих родителей перед Златоустом и решил, как можно торжественнее, перенести в Константинополь гроб с мощами святого. И вот император, все духовенство, целые тысячи народа вышли навстречу к некогда поруганному и выгнанному, как преступник, из города святителю Иоанну. Народ плакал от радости. Император Феодосий снял все знаки своего царского достоинства и, склонившись перед святой гробницей, вслух всех с рыданиями просил простить все то зло, которое ему причинили отец и мать. А патриарх Прокл вместе с народом воскликнул: «Святитель Божий! займи опять твой прежний престол».

Предание говорит, что из гроба в это время послышался голос Златоуста: «Мир вам!». Таково было торжество правды Божьей! Назидательна жизнь святителя! Поистине она светит ярким светом христианской веры и любви среди окружающего нас мрака. Он всего себя отдал Богу, он стремился лишь к вечной жизни за гробом, и вот почему среди всевозможных унижений и страданий, которые бы подавили и привели в отчаяние малодушного человека, он благодарил Бога: «Слава Богу за все! И за радости, и за горе!».

Так молился он, когда жил беззаботным отроком в доме своей нежно-любящей его матери; так взывал он к Богу в пустынной келье среди невероятных подвигов подвижничества; так молился он на высоте архиепископского престола и ту же молитву неоднократно повторял он в

ссылке, в изгнании, среди бесчеловечных истязаний, терзаемый голодом, жаждой, болезнями, влачимый под палящим солнцем. «Слава Богу за все!» – были его и последними словами здесь, на земле. О, если бы и нам, в нашей жизни, всегда следовать примеру святого Иоанна! Да поможет он нам сам в этом своими молитвами перед престолом Божиим!

Дорогие братья и сестры! вспоминая сегодня друга бедных, великого страдальца – Иоанна Златоустого, я невольно переношусь воображением из нашего шумного столичного города, из этой ярко-освещенной залы туда, далеко, в бедную деревушку – и видится мне полуразрушенная изба, и в ней голодные люди – наши братья о Господе!.. Видится мне малютка, одетый в грязные лохмотья; он протягивает свои исхудалые руки к своей матери и жалобно просит у нее хотя кусочек хлеба для утоления голода. А за ним, за этим страдающим ребенком, протягивает к нам руки святитель Иоанн Златоуст и взывает: «Вы пресыщены, а несчастное дитя голодно; вы имеете всего в достатке или изобилии, а здесь ваши братья, или, вернее, Сам Христос, во образе меньших братьев, всего лишен: и алчет, и жаждет, и наготует!

Пожалейте же их, и отрите их слезы; помните, кто делает для бедных и нищих, – делает для самого Христа Спасителя! Благо же всем тем, кто помнит завет Христа и приходит на помощь голодным и сирым! Благо и вам, что вы принесли им свою лепту! Благословение святителя Иоанна Златоуста да будет с вами во веки. Аминь.

* * *

1

Чтение это было предложено в первый раз преосвященным епископом Трифоном в 1912 году в пользу комитета для голодающих, находившегося под почетным председательством ее императорского высочества, великой княгини Елизаветы Федоровны

Источник: Св. Иоанн Златоуст, страдалец и друг страждущих / Еп. Трифон; Рис. В.В. Спасского. - 2-е изд. - Москва : А.Д. Ступин, 1914. - 38 с. : ил.

